

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!
К борьбе за дело Коммунистической партии
Советского Союза будь готов!

49

Ленинские Искры

Орган Ленинградского Обкома и Горкома ВЛКСМ.
Ленинградского Совета пионерской организации имени В. И. Ленина

№ 65 (4488)

СРЕДА,

15

АВГУСТА
1973 г.

Выходит
по средам
и субботам
Цена 1 копейка

ПУТЕШЕСТВИЕ ЧЕРЕЗ ДВА ОКЕАНА

НЕДАВНО в Ленинграде состоялась волнующая встреча. Через полвека увидели друг друга американец Барл Брэмхолл и многие из его «детей» — те самые петроградские ребята, которых в двадцатые годы спас американский Красный Крест. Как это случилось? Прочти очерк нашего корреспондента.

«**25 ИЮНЯ 1920 ГОДА.** Пятница. Я, Котька Иванов и Морж пошли в долину реки Седанки. Сперва шли по щоссе мимо японских складов. Потом свернули, пришлось спускаться прямо через кустарники. Нашли много землянки. Дальше встретили быка, который забодал 30 человек, добрались до платформы Бойня. И затем проехали до второй речки...»

Я ОТОРВАЛА глаза от желтоватых листков с полустиршимися карандашными записями.

— Котька Иванов это, случайно, не тот Иванов, который теперь профессор, доктор сельскохозяйственных наук?

Михаил Александрович утвердительно кивнул. Я перевернула новую страницу.

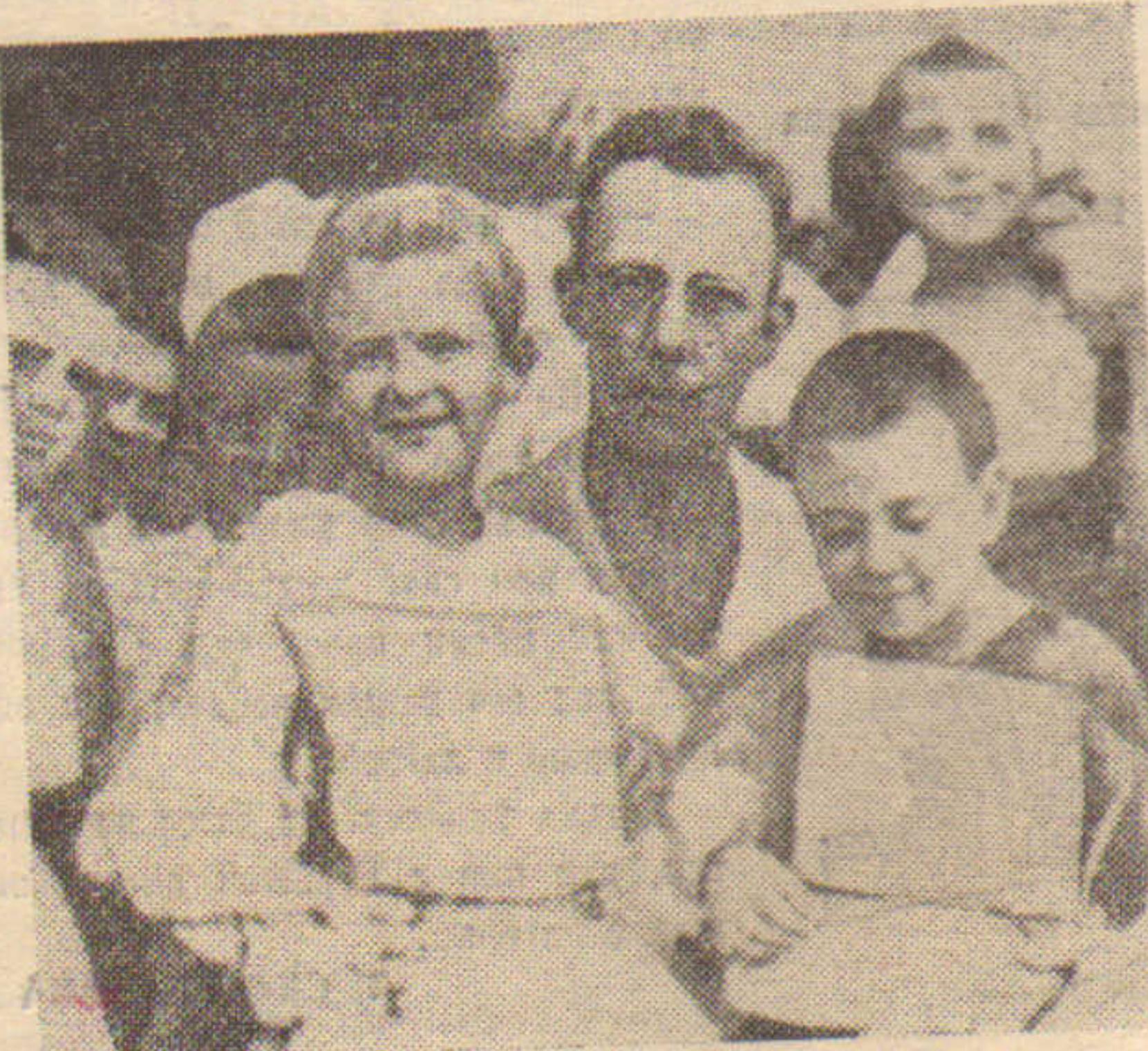
«**9 ИЮЛЯ 1920 ГОДА.** После ужина Котька Иванов звал кататься на лодке. Не удалось. Против берега встал большой пароход, а на трубе красный крест и подпись «Йоми-мару» через весь борт».

Миша Денисов, автор записей в дневнике, наверное, был даже раздосадован тогда, что «стал против берега пароход с красным крестом на трубе» и не удалось покататься с Котькой на лодке. Откуда было знать двенадцатилетнему мальчишке из Петрограда, что предстояло другое «катание» — продолжительностью в полгода, протяжённостью в два океана, через множество стран и приключений. На этом самом пароходе...

НЕКОТОРЫЕ газеты, в том числе и наша, уже рассказывали однажды об «одиссее детей революции». О том, как в мае 1918 года на летние каникулы

из Петрограда было вывезено четыре эшелона с детьми. Предполагалось, что на Урале школьники, вернее гимназисты, будут сыты, будут в безопасности. Три эшелона дошли до Урала. Но вскоре путь к Петрограду был отрезан. Колчак...

Учителя, приехавшие с ребятами, помогли им разместиться по окрестным деревням. Однако летний «от-

Брэмхолл и его подопечные. 1920 год.

дых» оказался несколько необычным. Хлеб давался несложно. Батрачили у кулаков: лён дёргали, младенцев нянчили. В награду получали простоквашу. Порой «расчувствовавшиеся» куркули приговаривали:

— Ешьте, бедные деточки, всё равно свиньям выливать.

А когда налетали колчаковцы, ребята прятались в курятниках, забирались на деревья.

Надвигалась осень, за осенью зима. Зимой на Урале босиком — только зайцы да волки. Попытка общественности Петрограда доставить на Урал эшелон с теплой одеждой и обувью для детворы не увенчалась успехом — Колчак...

О БЕДСТВЕННОМ положении петроградских детей узнали сотрудники американского Красного Креста, филиалы которого действовали в то время в Сибири. И вскоре ребятня получила одежду, пищу, медикаменты...

Затем началась эвакуация их на восток. Американцы предполагали оттуда по железной дороге всё же перевезти детвору в Петроград. Но интервенты блокировали железную дорогу.

Оставался один выход — добираться морем, вернее, океаном. И вот работники американского Красного Креста с трудом раздобыли японский сухогруз. Летом 1920 года пароход, приняв на борт маленьких пассажиров, покинул Владивосток. Сан-Франциско, Панамский канал, Нью-Йорк, Брест (Франция), Койвисто (Финляндия) — это лишь некоторые точки в пунктирной линии пути следования судна.

Странствовало на «Йоми-мару» почти восемьсот ребят.

А кто же были люди, принявшие на свои плечи заботы, ответственность и... любовь восьмисот матерей?

Любовь восьмисот матерей

ЕМУ восемьдесят, но он не старик. Слово это к Барлу Брэмхоллу, бывшему служащему американского Красного Креста, совсем не подходит. Очень высокий, энергичный, подтянутый и остроумный. Он понравился мне «с порога» (с порога своего номера на пятом этаже гостиницы «Астория»).

— Разрешите, — сказал он, — я прежде всего покажу вам самый ценный подарок, который мне когда-либо делали.

Было ясно, что «самый ценный подарок» — не слиток золота и не гигантская жемчужина. Но я удивилась, увидев в руках мистера Брэмхолла альбом. Огромный, в красном переплете, с золотистыми буквами на обложке.

— Когда я умру... Нет-нет, не надо хмуриться, дорогой товарищ корреспондент, все люди умирают когда-то. Хотя в вашем возрасте в это верится с трудом... Да, так вот, когда я умру, этот альбом, согласно моему завещанию, передадут в Вашингтонский исторический музей. Взгляните!

«Дорогому господину Брэмхоллу от благодарных колонистов г. Петрограда на добрую и долгую память. 1920—1973 гг.»

Дальше шли фотографии, фотографии, фотографии...

— Это всё мои дети. В начале двадцатых я был самым многодетным папаша на свете. В нашем семействе было почти восемьсот человек.

Именно за это постановлением от 16 июля 1973 года Барл Брэмхолл награждён высшей наградой Союза обществ Красного Креста и Красного Полумесяца СССР — Почётным знаком.

Знак лежал на столике рядом с букетом прекрасных цветов и альбомом, на одной из последних страниц которого имелась такая фотография: улыбающаяся девочка, а посередине Гулливер — молодой человек в очках. Это Брэмхолл. 1920 год.

Брэмхолл. 1920 год

— Каким вы его помните? Как относился Брэмхолл к детям? Люблили ли его? Боялись ли? Расскажите, пожалуйста, Зоя Васильевна, про всё, о чём помните.

И Зоя Васильевна Трофименко, бывшая колонистка, рассказала:

— Плыл по морям наш большой чёрный пароход. В волнах иногда появлялись киты с фонтанами, носились эскадры акул. А мы сидели себе, читали книжечки, свесив ножки в Атлантический океан. В портах иные «знакомки» пальцем на нас показывали и перешёптывались: «Вот едут дети баронов, князей и графов — от боль-

шевиков спасаются! Мы же испанята испанятами. И всем нам очень хотелось домой, к мамам. Грустили очень. Но всегда рядом был Брэмхолл, щедрый на улыбку, на ласку, на приветствие. Мы даже слово такое придумали — «забрэмхоллился».

Так говорили про человека, который начинал вдруг шутить, смеяться, излучать душевное тепло.

Брэмхолл и другие воспитатели делали всё возможное, чтобы отвлечь нас от грустных мыслей. Ещё в Сибири американцы достали для нас музыкальные инструменты, которых хватило на целый оркестр. В колонии было два хора, свой театр, почти каждый день устраивались разные игры, водное поло и даже танцы.

Иногда Брэмхолл танцевал с нами. Однажды, помнится, отплясал уан-степ с маленькой девочкой Женей Цветковой. Взял её не за талию, а за поднятые руки. Все смеялись и аплодировали этой забавной паре.

Боялись ли мы его? А как же. Ведь Брэмхолл очень строго и требовательно следил за чистотой твиндеков и кают. Ходил с фонариком и проверял, нет ли где мусора или беспорядка. Было стыдно, если находил...

После трёхмесячного пребывания в Халилу (местечко в Финляндии) 5 января 1921 года мы перешли совет-

скую границу. Кончилась наша удивительная одиссея, но мы радовались. Ведь серая капуста без масла дома всё же вкуснее, чем пирожные на чужбине. Однако всегда, всю жизнь мы с теплотой и грустью вспоминали наших американских воспитателей и Барла Брэмхолла в первую очередь. Мы ждали встречи.

Мы ждали встречи

Наши милые гости,
Друг юности и детства,
Мы очень рады снова видеть Вас.
Таких никто не получал приветствий,
Какими мы встречаем Вас сейчас...

ПОЖИЛАЯ седоволосая женщина взволнованным голосом читала со сцены стихи. Она, Ирина Анатольевна Винерт, написала их сама. Многие другие люди, тоже пожилые, тоже седоволосые — ведь столько пережито! — выступали тогда с добрыми, проникновенными словами. Зал Дома дружбы то замирал, заставив дыхание, то взрывался аплодисментами.

На трибуне Николай Родионович Иванов (Котька):

— Дорогой мистер Брэмхолл. У нас есть пословица: «В гостях хорошо, а дома лучше». Пусть же сегодня и в следующие дни у нас Вам будет лучше, чем дома!

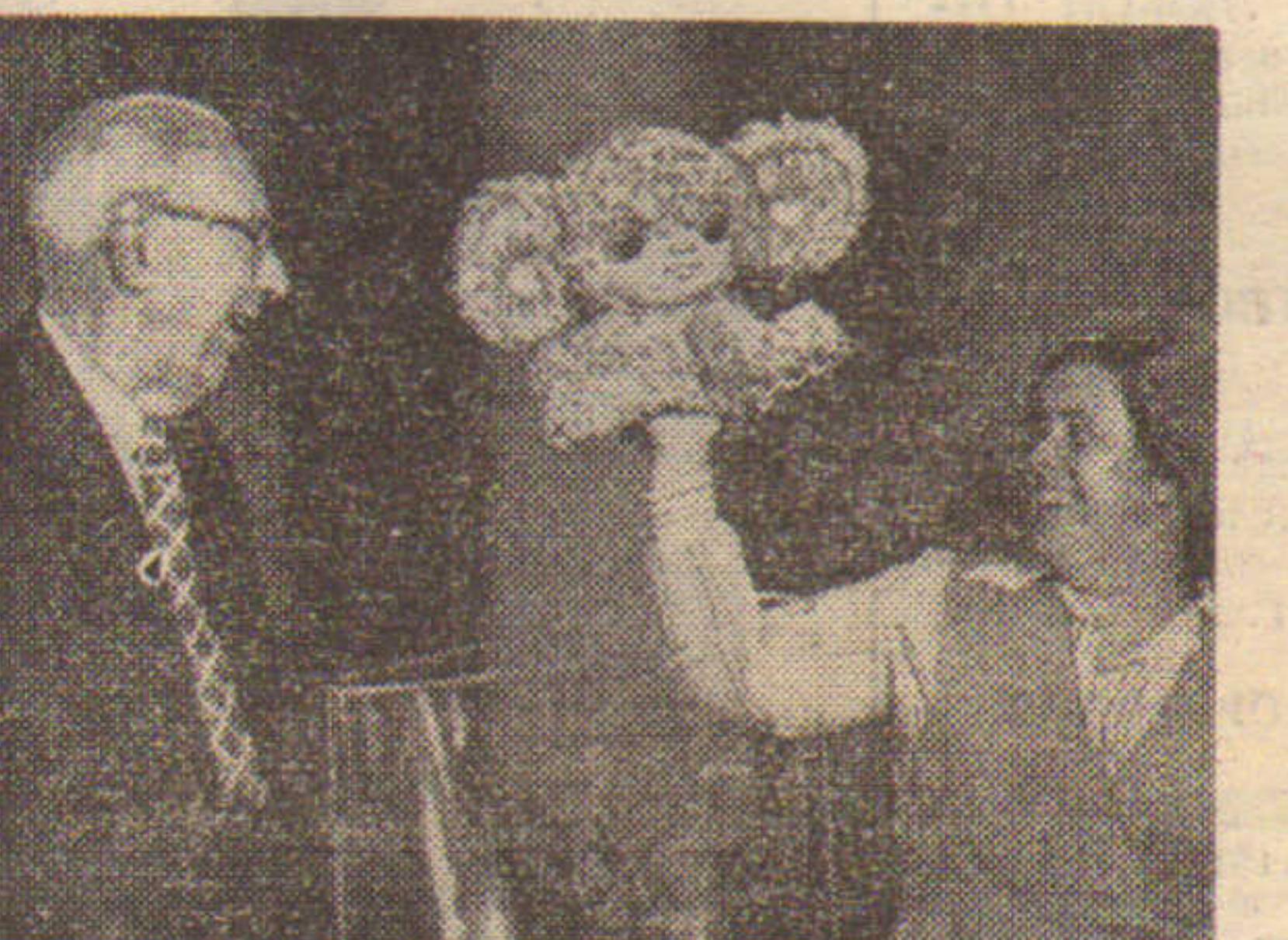
Брэмхолл расцвёл в улыбке. Потом дорогому гостю стали преподносить подарки. Их была целая гора. Женя Брэмхолла, сухощавая старушка, тут же примерила тонкое, прозрачное кружево, а самому Барлу очень приглянулся Чебурашка. Огненно-рыжий, с удивлёнными огромными глазами. Его смастерила бывшая колонистка Ольга Николаевна Эйзенберг. Правда, не одна, вместе с дочкой — художником-скульптором кукольного театра Маргаритой Ясинской. Символично, что в спектакле этого театра Чебурашка путешествует по дороге Дружбы.

А Михаил Александрович Денисов подарил Брэмхоллу свой дневник (отрывки из которого вы читали в начале нашего материала).

И вот вышел Брэмхолл, окинул всех отеческим в буквальном смысле этого слова взглядом и произнёс:

— Ну что я могу сказать. Я просто тронут до слёз...

А. БОГЛЫХ

Здравствуй, Чебурашка! 1973 год.